

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Зинькина Юлия Викторовна
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Международной лаборатории демографии
и человеческого капитала РАНХиГС,
науч. сотр. факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова
juliazin@list.ru

Шульгин Сергей Георгиевич
канд. экон. наук, зам. руководителя
Международной лаборатории демографии
и человеческого капитала РАНХиГС
sergey@shulgin.ru

«МОЛОДЕЖНЫЕ БУГРЫ» КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ¹

Zinkina Julia V.
*Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
International Laboratory of Demography
and Human Capital, RANEPA,
Researcher, Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University
*juliazin@list.ru**

Shulgin Sergey G.
*Candidate of Economics, Deputy Head
of the International Laboratory of Demography
and Human Capital, RANEPA
*sergey@shulgin.ru**

“YOUTH BULGE” AS A FACTOR OF SOCIOPOLITICAL INSTABILITY

Введение. «Молодежные бугры» — наличие в обществе высокой доли молодежи — является сильным предиктором политического насилия низкой (а иногда и высокой) интенсивности. Цель работы — выявление стран, где на-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-78-20096.

блюдаются «молодежные бугры» или прогнозируется их возникновение в ближайшие годы, и определение ключевых рисков, связанных с этим явлением.

Материалы и методы. Использованы данные ООН о численности мужского и женского населения, представленные в разрезе по 21 возрастной группе для каждой страны на пятилетних интервалах. Для периодов позднее 2020 г. использованы данные средней демографической проекции ООН, в периодах 2020 г. и более ранних используются исторические данные.

Результаты исследования. Из 12 стран, где максимальная доля молодежи 15—29 лет в ближайшее время составит более 50%, лишь одна страна — Афганистан, находится за пределами региона Африки южнее Сахары. Еще у 30 стран Африки южнее Сахары максимальная доля молодежи этой возрастной категории составит в ближайшее время от 45 до 50%. Практически у всех стран пиковое значение данного показателя приходится на 2025 г.

Обсуждение. Результаты говорят о мощном дестабилизационном потенциале, который способен обострить социально-политическую ситуацию в значительной части региона, проблема «молодежных бугров» может растянуться и на более долгое время.

Заключение. Практические способы снижения рисков, связанных с демографическими буграми, включают в себя необходимость повышения охвата молодежи образованием, структурной перестройки и обновления его программ в соответствии с запросами рынка труда.

Ключевые слова: молодежный бугор, доля молодежи в населении, Африка южнее Сахары, Восточная Африка, Западная Африка, Центральная Африка, демографический прогноз, социально-политическая нестабильность, глобальные риски.

Introduction. “Youth bulge”, the presence of a high proportion of young people in a population, is a strong predictor of low-intensity (and, according to some studies, high-intensity) political violence. This study aims to identify countries where “youth bulges” are observed or forecasted in the coming years, and to highlight the key risks associated with this phenomenon.

Materials and methods. We use UN data on male and female population (21 age group for each country at 5-year intervals). For periods after 2020, we use the “medium” demographic projection of the UN DESA. For periods up to 2020, historical data provided by UN DESA are used.

Results. Of the 12 countries where the maximum proportion of young people aged 15—29 will exceed 50% of the adult (15+) population in the near future, only one country — Afghanistan — is located outside Sub-Saharan Africa. In 30 countries of SSA, the share of young people aged 15—29 in the adult population will peak between 45 and 50% in the near future. In almost all countries, the peak values will be achieved around 2025.

Discussion. The results indicate a powerful destabilizing potential that can exacerbate the socio-political situation in a significant part of the Sub-Saharan region, the problem of youth bulges can get extended in time.

Conclusion. Practical ways to reduce the risks associated with youth bulges include increasing youth enrolment in post-primary education and its structural adjustment to the labor market needs.

Key words: youth bulge, proportion of youth in population, Sub-Saharan Africa, East Africa, West Africa, Central Africa, demographic forecast, sociopolitical instability, global risks.

Введение

В своей классической работе 1968 г. Г. Моллер, говоря о беспрецедентно быстром росте мирового населения, отмечал, что в результате значительного снижения детской смертности в ряде стран Западной и Центральной Европы после 1750 г. (в первую очередь во Франции) на фоне отсутствия сколько-нибудь заметного роста продолжительности жизни пожилых людей доля молодежи в населении колоссально возросла, достигнув на тот момент исторически рекордных значений для этой страны — лица в возрасте от 20 до 40 лет составляли 40% населения, а лица младше 20 лет — еще 36%. «Подвергнутые экономическим трудностям, которые преобладали между 1785 и 1794 годами, многочисленные недостаточно занятые молодые люди составляли взрывоопасную группу населения. Их присутствие внесло решающий вклад в революционные волнения в городе и стране, а также в военные авантюры революционных и наполеоновских войн», — справедливо отмечает Моллер [16, р. 240].

Другие страны Европы по мере прохождения ими глобального демографического перехода также сталкивались с ростом доли молодого населения. Однако избежать столь масштабных политических потрясений в последние десятилетия XIX и начале XX в. (вплоть до Первой мировой войны) многим странам помог колоссальный миграционный отток молодого населения — доля мигрантов в европейском населении возросла с 17,4% во второй половине XVIII в. до 30,8% во второй половине XIX в., то есть почти вдвое, а их абсолютная численность за тот же период возросла почти в четыре раза (с 26,3 до 100,4 млн) [12, р. 304].

Хотя эпоха значительного роста абсолютной численности молодежи и ее доли в составе населения в развитых странах миновала, во второй половине XX и начале XXI в. эти процессы активно происходили в развивающихся странах в результате прохождения ими фаз демографического перехода (более того, даже сейчас нельзя сказать, что эти процессы в мире завершены). Соответственно, риски возникновения конфликтов на фоне и в связи с ростом абсолютной численности и доли молодежи привлекали все больше внимания исследователей.

Почему крупные молодежные группы должны представлять угрозу миру и стабильности? Ряд социально-экономических и социально-биологических подходов, а также теорий социализации пытаются объяснить эту корреляцию. Так, К. Мескида и Н. Винер показывают, что с точки зрения поведенческой экологии, коалиции молодых людей, совершающих акты коллективной агрессии, могут рассматриваться как форма внутривидовой конкуренции, иногда для получения партнеров, но чаще для приобретения ресурсов для привлечения и удержания партнеров, соответственно, к таким актам агрессии оказываются более склонны молодые мужчины, не имеющие своей семьи [14, 15]. К этому объяснению близко другое: «Молодежь активна и зла, потому что у нее часто есть стремление к независимости, но нет средств для ее достижения — в полити-

ческом, экономическом или социальном плане — и зачастую ее больше соблазняет идеология» [11, р. 281]. Действительно, как отмечает Х. Вебер, во время и после подросткового периода молодые люди в определенной степени отрываются от культурных ценностей и систем убеждений своих родителей, что делает их более восприимчивыми к религиозному фундаментализму или политическим экстремистским идеям (например, [21]). При этом, поскольку у большинства молодых людей меньше обязанностей по отношению к семье и карьере и больше подверженность радикальным идеям, их относительно легко мобилизовать для социальных или политических конфликтов [9]. Иными словами, именно в старшем подростковом возрасте и юности альтернативные издержки на участие в организованном насилии или повстанческих движениях оказываются самыми низкими [3].

Относительно большая молодежная когорта может быть фактором, снижающим затраты на вербовку повстанцев благодаря обильному предложению повстанческого труда с низкими альтернативными затратами, что увеличивает риск вооруженных конфликтов. С экономической точки зрения, восстание возможно только тогда, когда потенциальная выгода от присоединения настолько высока, а ожидаемые издержки настолько низки, что новобранцы-повстанцы предпочтут присоединиться к протестам, мятежу, восстанию и др., а не альтернативные возможности получения дохода [2]. Исследования в области экономической демографии также показывают, что крупные когорты, вероятно, будут сталкиваться с более низкой заработной платой, так что альтернативные издержки для человека, принадлежащего к большой возрастной когорте, в среднем ниже, чем для человека, принадлежащего к меньшей возрастной когорте [6, 13].

В литературе предлагается несколько подходов к определению «молодежных бугров». Весьма распространен подход, предлагающий определять их наличие в обществе путем измерения относительного размера молодежных когорт (чаще всего определяемых как группы от 15 до 24 лет) в общей численности населения [2, 10], однако в настоящее время он подвергается критике. В частности, с этим подходом не соглашался норвежский исследователь Х. Урдал, поскольку, по его мнению, в таком случае страны с быстро растущим населением будут склонны недооценивать «молодежные бугры», потому что их население в возрасте до 15 лет настолько велико, что это приводит к «раздуванию» всего населения. Чтобы избежать этого, он предлагал измерять когорты молодежи в возрасте 15—24 лет по отношению к общей взрослой популяции (15 лет и старше) [19]. В настоящей работе используется подход Урдала, однако верхняя возрастная граница «молодежного бугра» устанавливается не на отметке 24 года, а на возрасте 29 лет — эта граница предлагалась в целом ряде классических работ [15, 16] и подтвердила свою валидность в ходе событий «арабской весны» [22].

Говоря о поиске возрастных границ «молодежных бугров», необходимо рассмотреть и вторую часть вопроса, а именно, критические «поро-

говые значения» доли молодежи, темпов роста этой доли, а также темпов роста абсолютной численности молодежи, достижение которых несет в себе высокие риски для социальной и политической стабильности общества. В этом вопросе исследователями также предлагаются различные подходы.

Так, С. Хантингтон утверждает, что общества особенно подвержены войнам, когда доля молодых людей в возрасте 15—24 лет достигает «критического уровня» в 20% от общей численности населения страны [10, р. 259—261]. Аргументы Хантингтона побудили авторов двух ставших классическими исследований факторов начала гражданских войн рассмотреть роль молодежного фактора. Однако в одном случае доля молодежи 15—24 лет (во всем населении), хотя и имела положительное влияние на зависимую переменную, оно было крайне неуверенным ($p = 0,21$), более того, доля молодежи имела сильную отрицательную корреляцию с фактором дохода, и при включении в модель доли молодежи больше возрастала роль именно переменной дохода [8]. В другом случае авторы, сопоставляя различные спецификации модели, обнаружили, что доля молодых мужчин в возрасте 15—29 лет является незначимой (хотя охват юношей школьного возраста средним образованием оказался важным предиктором снижения риска) [3]. В своей более поздней работе, анализирующей факторы начала гражданских войн, Дж. Фирон обнаружил, что темпы роста населения (с лагом) положительно связаны с риском конфликта. В то же время фактор «молодежных бугров», измеренных Фироном по методике Х. Урдала (о ней ниже), оказался положительным, но слабым и абсолютно статистически незначимым. Таким образом, по мнению Фирона, фактор «молодежных бугров» в формулировке Урдала работает менее эффективно в качестве предиктора конфликтов, когда в роли зависимой переменной оказывается перечень гражданских войн, нежели типы конфликтов, использованные Урдалом [7].

Однако противоречия как такового здесь нет. Еще в 2006 г. Урдал предположил, что результаты, полученные Фироном и коллегами (а также рядом других названных выше исследователей), стали следствием выбора специфической зависимой переменной, поскольку слишком высокий порог числа жертв обеспечил включение в исследования лишь действительно крупных гражданских войн. Урдал же выдвинул гипотезу о том, что «молодежные бугры» могут быть лучшим предиктором политического насилия низкой интенсивности, нежели крупномасштабных гражданских войн [20] (отметим, забегая вперед, что это подтвердило и исследование Урдала 2006 г., и процитированное выше исследование Фирона 2011 г.).

Для проверки своей гипотезы Урдал провел исследование, в котором поставил цель эмпирически определить, могут ли «молодежные бугры» увеличить риск трех различных видов политического насилия: вооруженных конфликтов, терроризма и беспорядков. В своем исследовании он опирался на две теоретические традиции объяснения возникновения

гражданских войн, касающиеся, с одной стороны, возможностей их возникновения, а с другой — мотивов для их возникновения. В этом исследовании, охватывавшем все страны и политически зависимые территории (с населением не менее 150 тыс. человек в 1995 г.) за период 1950—2000 гг., Урдал обнаружил, что наличие «молодежных бугров» (измеренных как доля молодежи 15—24 лет во всем взрослом населении 15 и более лет) значительно повышает риск возникновения всех трех типов политического насилия, даже при контроле на такие факторы, как уровень развития стран, демократия и история конфликтов [20].

Дж. Фирон в своем исследовании 2011 г. отмечал, что не видит большой разницы между использованием доли молодежи во всем населении или же во взрослом населении, тем более что эти показатели сильно скоррелированы между собой [7]. Однако исследования, использовавшие различные подходы к измерению «молодежных бугров» для изучения их влияния на риски начала гражданских войн, пришли к иным результатам. Так, в исследовании С. Стейвтейг доля молодежи во всем населении не оказалась значимым предиктором гражданских войн (как начавшихся с восстания, так и прочих), однако доля молодежи во взрослом населении и такой специфический показатель, как отношение молодежной когорты к взрослой трудоспособной когорте (доля лиц в возрасте 15—29 лет относительно лиц в возрасте 30—54 лет), рассчитанный ею по образцу показателя, предложенного Р. Истерлином [4, 5, 6], оказались сильными предикторами риска гражданской войны. Так, средняя страна в выборке имела 12%-й риск начала гражданской войны любого типа в любой пятилетний период, однако одно лишь изменение в пропорции молодежи к трудоспособному взрослому населению (показатель, рассчитанный по образцу Истерлина) могло понизить этот риск до 6% или же повысить его до 28% (при равенстве всех прочих показателей, учитываемых в модели). Для гражданских войн, начинавшихся с восстаний, результаты оказались еще более явными — средняя страна в выборке имела 9%-й риск гражданской войны, начавшейся с восстания, в любой пятилетний период, однако одно лишь изменение в пропорции молодежи к трудоспособному взрослому населению (показатель, рассчитанный по образцу Истерлина) могло понизить этот риск до 2% или же повысить его до 38% (при равенстве всех прочих показателей, учитываемых в модели). Предикторами риска начала гражданской войны также оказались рост младенческой смертности и неконсолидированный политический режим [17].

Материалы и методы

Использованы данные ООН о численности мужского и женского населения, представленные в разрезе по 21 возрастной группе («0—4», «5—9», «10—14», «15—19», «20—24», «25—29», «30—34», «35—39», «40—44», «45—49», «50—54», «55—59», «60—64», «65—69», «70—74», «75—79», «80—84»,

«85—89», «90—94», «95—99» и «100+») для каждой страны на пятилетних интервалах [18]. Например, если указаны данные за 2020 г., то они отражают пятилетний интервал с 2016 по 2020 г. Для оценки «молодежного бугра» были оценены отдельно численность мужского и отдельно женского населения в трех возрастных группах «15—19», «20—24», «25—29». Сумма численности мужского и женского населения в возрастах 15—29 лет была разделена на общую численность населения в возрастах старше 15 лет. Для периодов позднее 2020 г. использованы данные средней демографической проекции ООН [18], в периодах до 2020 г. используются исторические данные.

Результаты исследования

Из 12 стран, где максимальная доля молодежи 15—29 лет составит более 50% в ближайшее время, лишь одна страна — Афганистан, находится за пределами региона Африки южнее Сахары. Еще у 30 стран Африки южнее Сахары максимальная доля молодежи 15—29 лет составит в ближайшее время от 45 до 50%. При этом практически у всех стран пиковое значение этого показателя приходится на 2025 г. (таблица).

Страны с максимальной долей молодежи в возрасте 15—29 лет в составе взрослого (15 лет и старше) населения, прогнозируемой в ближайшем будущем

Страна	Год	Доля молодежи 15—29, %
1	2	3
ЦАР	2025	53,58
Нигер	2030	53,07
Сомали	2025	52,72
Чад	2025	52,24
Уганда	2025	52,22
Мали	2025	51,57
Замбия	2025	50,68
Гвинея	2025	50,40
Мозамбик	2025	50,38
Ангола	2025	50,26
Малави	2025	50,12
Буркина-Фасо	2025	49,60
Гамбия	2025	49,18
Демократическая Республика Конго	2030	49,17
Зимбабве	2030	48,39

1	2	3
Бурунди	2030	48,21
Кот-д'Ивуар	2025	48,01
Танзания	2025	47,88
Нигерия	2030	47,69
Эфиопия	2025	47,65
Южный Судан	2025	47,36
Камерун	2025	47,32
Сьерра-Леоне	2025	47,09
Сенегал	2025	47,08
Гвинея-Бисау	2025	47,05
Бенин	2025	46,85
Эритрея	2030	46,76
Экваториальная Гвинея	2025	46,45
Мадагаскар	2025	46,38
Кения	2025	46,29
Либерия	2025	46,28
Судан	2025	46,22
Того	2025	46,00
Республика Конго	2030	45,69
Эсватини	2025	45,03
Африка в целом	2025	44,07
Афганистан	2025	50,26
Йемен	2025	45,37

И с т о ч н и к: расчеты авторов по данным [18].

Все страны, представленные в таблице, за исключением двух — Афганистана и Йемена, относятся к Африке южнее Сахары. При этом на региональном уровне доля молодежи в возрасте 15—29 лет в составе взрослого (15 лет и старше) населения в ближайшее время (к 2025 г.) достигнет в Центральной Африке — 49,1%, Восточной Африке — 48,18, Западной Африке — 47,72%. С этими значениями разительно контрастирует Северная Африка, где максимальное прогнозируемое значение данного показателя составляет 35,54% и будет достигнуто к 2035 г., а также южноафриканский регион — 34,66% к 2025 г. соответственно.

Обсуждение

Результаты исследования Х. Урдала подтверждают гипотезу о том, что большие «молодежные бугры» увеличивают риск вооруженных конфликтов — увеличение «бугра» на один процентный пункт связано с увеличением вероятности конфликта на 4% [20]. Кроме того, в странах, в которых доля молодежи среди взрослого (15 лет и старше) населения составляет 35% и выше, риск конфликта оказался на 150% выше, чем в странах, где эта доля равна медиане для развитых стран [19]. В этом исследовании Урдал определял возрастные границы молодежи как 15—24 года; применение таких возрастных границ дало бы более низкие прогнозные значения. Тем не менее из таблицы видно, что прогнозируемая доля молодежи во многих странах Африки южнее Сахары является очень значительной, и рассчитанные значения сопряжены с большими рисками для экономического развития и социально-политической стабильности этих стран.

В этом свете заслуживает внимания еще одно исследование, предлагающее иной подход к определению «критического уровня» на основе анализа совместного действия возрастной структуры населения и истории конфликтов страны в недавнем прошлом. По расчетам Р. Чинкотты и соавторов, около 86% всех стран, где произошла новая вспышка гражданского конфликта, имели возрастные структуры, в которых как минимум 60% населения были моложе 30 лет. Хотя возрастные структуры многих стран изменились и «повзрослели» между 1970 и 1999 гг., этот «контрольный показатель» оставался практически неизменным. Исследователи делают вывод, что критерий «60% в возрасте до 30 лет» может использоваться для выявления и отслеживания демографических рисков возникновения конфликтов в государстве [1]. С учетом того, что данный критерий применим практически ко всем странам в таблице, а многие африканские страны имеют в своей недавней (или даже текущей) истории конфликты различного масштаба, это можно считать безусловным и весьма серьезным фактором риска для всего региона в целом (поскольку крупные конфликты в отдельных государствах неминуемо затрагивают стабильность сопредельных государств вследствие массового перемещения беженцев, нарушения экономических связей, нарушения стабильности в приграничных районах и т.д.).

Заключение

Среди стран, где в ближайшие годы будет наиболее выражен «молодежный бугор», многие страны Африки южнее Сахары, а также Афганистан и Йемен по-прежнему характеризуются очень высоким уровнем рождаемости и низким уровнем охвата детей, подростков и молодежи образованием, особенно выше начального уровня. Хотя влияние распространения образования на сохранение социально-политической стабильности в таких условиях неоднозначно, тем не менее есть много веских причин для расширения образования в этих странах. Практические спо-

события снижения рисков, связанных с «демографическими буграми», включают в себя необходимость повышения охвата молодежи образованием, структурной перестройки и обновления его программ в соответствии с запросами рынка труда.

При этом следует иметь в виду, что «средний» прогнозный сценарий ООН предполагает выход африканских стран на траекторию достаточно быстрого и устойчивого снижения рождаемости. Если этого не произойдет (как уже было в этом регионе в значительной части 1990-х и 2000-х гг.), проблема «молодежных бугров» может растянуться и на более долгое время. Соответственно, снижение рисков, связанных с «молодежными буграми», в этих странах неразрывно связано с внедрением эффективных программ, направленных на поощрение более низких показателей рождаемости.

Оба этих фактора обретают еще большую значимость, если учесть, что при наличии «молодежных бугров» ключевым фактором, влияющим на конфликтный потенциал молодежи, помимо экономических показателей, является возможность миграции. Миграция работает как своего рода «предохранительный клапан» для недовольства молодежи. Однако для Африки южнее Сахары этот способ окажется в значительной степени недоступным, поскольку большинство стран Западной, Центральной и Восточной Африки будут переживать наиболее острую фазу этого явления практически одновременно. Северная и Южная Африка вряд ли окажутся в состоянии создать экономические условия для колоссального количества молодежи из соседних регионов, желающих мигрировать. В то же время миграция в другие макрорегионы (Европу, Северную Америку, Азию), скорее всего, окажется довольно дорогостоящей и позволить ее себе сможет лишь небольшая часть молодежи, что не окажет заметного смягчающего влияния на связанные с «молодежными буграми» риски в африканских странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cincotta R.P., Leahy E.* Population age structure and its relation to civil conflict: A graphic metric // Environmental Change and Security Program Report. 2006. Vol. 12. P. 55—58.
2. *Collier P.* Doing well out of war: An economic perspective // Greed and grievance: Economic agendas in Civil Wars / Ed. by M. Berdal, D.M. Malone. Boulder, CO; L.: Lynne Rienner, 2000. P. 91—111.
3. *Collier P., Hoeffler A.* Greed and Grievances in Civil War // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56, N 4. P. 563—595.
4. *Easterlin R.A.* Population, labor force, and long swings in economic growth: The American experience. N.Y.: National Bureau of Economic Research: Columbia University Press, 1968.
5. *Easterlin R.A.* What will 1984 be like? Socioeconomic implications of recent twists in age structure // Demography. 1978. Vol. 15, N 4. P. 397—432.
6. *Easterlin R.A.* Birth and fortune: The impact of numbers on personal welfare. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

7. Fearon J.D. Governance and civil war onset. World Development Report 2011. Background Paper. Washington, D.C.: The World Bank, 2011.
8. Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, insurgency, and civil war // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97, N 1. P. 75—90.
9. Goldstone J.A. Population and security: How demographic change can lead to violent conflict // *Journal of International Affairs*. 2002. Vol. 56, N 1. P. 3—21.
10. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
11. Kim T., Sciubba J.D. The effect of age structure on the abrogation of military alliances // *International Interactions*. 2015. Vol. 41, N 2. P. 279—308.
12. Lucassen J., Lucassen L. From mobility transition to comparative global migration history // *The Journal of Global History*. 2011. Vol. 6, N 2. P. 299—307.
13. Machunovich D.J. Relative cohort size: Source of a unifying theory of global fertility transition? // *Population and Development Review*. 2000. Vol. 26. P. 235—261.
14. Mesquida C.G., Wiener N.I. Human collective aggression: A behavioral ecology perspective // *Ethology and sociobiology*. 1996. Vol. 17, N 4. P. 247—262.
15. Mesquida C.G., Wiener N.I. Male age composition and severity of conflicts // *Politics and the life sciences*. 1999. Vol. 18, N 2. P. 181—189.
16. Moller H. *Youth as a Force in the Modern World* // *Comparative studies in society and history*. 1968. Vol. 10, N 3. P. 237—260.
17. Staveteig S. The young and the restless: Population age structure and civil war // *Environmental Change and Security Program Report*. 2005. Vol. 11. P. 12—19.
18. United Nations Population Division (2020). wpp2019: World Population Prospects 2019. R package version 1.1-1. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=wpp2019> (дата обращения: 02.02.2020).
19. Urdal H. The devil in the demographics: The effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950—2000 // *Social Development Papers*. 2004. N 14. P. 1—31.
20. Urdal H. A clash of generations? Youth bulges and political violence // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50, N 3. P. 607—629.
21. Weber H. Demography and Democracy: The Impact of Youth Cohort Size on Democratic Stability in the World // *Democratization*. 2013. Vol. 20, N 2. P. 335—357.
22. Yair O., Miodownik D. Youth bulge and civil war: Why a country's share of young adults explains only non-ethnic wars // *Conflict Management and Peace Science*. 2016. Vol. 33, N 1. P. 25—44.

REFERENCES

1. Cincotta R.P., Leahy E. 2006. Population age structure and its relation to civil conflict: a graphic metric. *Environmental Change and Security Program Report*, vol. 12, pp. 55—58.
2. Collier P. 2000. *Doing well out of war: An economic perspective*. In Berdal M., Malone D.M. (eds.). *Greed & grievance: Economic agendas in Civil Wars*. Boulder, CO, and London, Lynne Rienner, pp. 91—111.
3. Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievances in Civil War. *Oxford Economic Papers*, vol. 56, no 4, pp. 563—595.
4. Easterlin R.A. 1968. *Population, labor force, and long swings in economic growth: The American experience*. New York, National Bureau of Economic Research & Columbia University Press.
5. Easterlin R.A. 1978. What will 1984 be like? Socioeconomic implications of recent twists in age structure. *Demography*, vol. 15, no 4, pp. 397—432.

6. Easterlin R.A. 1987. *Birth and fortune: The impact of numbers on personal welfare*, 2nd ed. Chicago, University of Chicago Press.
7. Fearon J.D. 2011. *Governance and civil war onset*. World Development Report 2011. Background Paper. Washington, D.C., The World Bank.
8. Fearon J.D., Laitin D.D. 2003. Ethnicity, insurgency, and civil war. *American Political Science Review*, vol. 97, no 1, pp.75–90.
9. Goldstone J.A. 2002. Population and security: How demographic change can lead to violent conflict. *Journal of International Affairs*, vol. 56, no 1, pp. 3–21.
10. Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking*. New York, Simon & Schuster.
11. Kim T., Sciubba J.D. 2015. The effect of age structure on the abrogation of military alliances. *International Interactions*, vol. 41, no 2, pp. 279–308.
12. Lucassen J., Lucassen L. 2011. From mobility transition to comparative global migration history. *The Journal of Global History*, vol. 6, no 2, pp. 299–307.
13. Machunovich D.J. 2000. Relative cohort size: Source of a unifying theory of global fertility transition? *Population and Development Review*, vol. 26, pp. 235–261.
14. Mesquida C.G., Wiener N.I. 1996. Human collective aggression: A behavioral ecology perspective. *Ethology and sociobiology*, vol. 17, no 4, pp. 247–262.
15. Mesquida C.G., Wiener N.I. 1999. Male age composition and severity of conflicts. *Politics and the life sciences*, vol. 18, no 2, pp. 181–189.
16. Moller H. 1968. Youth as a Force in the Modern World. *Comparative studies in society and history*, vol. 10, no 3, pp. 237–260.
17. Staveteig S. 2005. The young and the restless: Population age structure and civil war. *Environmental Change and Security Program Report*, vol. 11, pp. 12–19.
18. United Nations Population Division (2020). wpp2019: World Population Prospects 2019. R package version 1.1-1. Available at: <https://CRAN.R-project.org/package=wpp2019> (accessed: 02.02.2020).
19. Urdal H. 2004. The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000. *Social Development Papers*, no 14, pp. 1–31.
20. Urdal H. 2006. A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International Studies Quarterly*, vol. 50, no 3, pp. 607–629.
21. Weber H. 2013. Demography and Democracy: The Impact of Youth Cohort Size on Democratic Stability in the World. *Democratization*, vol. 20, no 2, pp. 335–357.
22. Yair O., Miodownik D. 2016. Youth bulge and civil war: Why a country's share of young adults explains only non-ethnic wars. *Conflict Management and Peace Science*. vol. 33, no 1, pp. 25–44.